

НАБРОСКИ.

Умерь Чехова.
Весть о его смерти пронеслась так то неожиданно и тревожно. Никто не жалел близости смерти Чехова, никто не думал о ней.

Кромѣ близких или близко знавших Чехова.

Между прочимъ, я лично въ октябрѣ или ноябрѣ прошлаго 1903 года, собиравъ у Чехова, въ его уютномъ рабочемъ кабинетѣ на его ялтинской дачѣ, уходилъ съ ужасно тяжелымъ впечатлѣніемъ, съ думою о томъ, что ѣло именно близко къ концу, что смерть уже загладываетъ въ эту уютную кабинетъ, тѣмъю лежитъ на чьемъ любимца Чехова—Левитана, въ бумагахъ большого письменнаго стола, только что видѣвшаго послѣдній страничку «Виснагоо сала», на таку, на которой сняты въ оригинальной позѣ горбѣщиса, медленно и какъ то отрывисто говорѣщій слово за словомъ Антонъ Павловичъ.

Дѣло въ томъ, что осенью прошлаго года въ состоянн здоровья Чехова, давно уже большого туберкулеза, наступилъ поворотъ къ худшему, обостренн.

Забывалъ Чехова давно, много ятъ назадъ. Психиному, организмъ не выдержалъ той огромной работы, которую приходилось въ борьбѣ за существованне вершить будущему почетному академику и гордосто Россн. Могли сказаться и дефекты необеспеченной студенческой жизни...

Переселившись въ Ялту, Чехова быстро оправился. Болѣзнь приостановилась, притихла, но не ушла. Пожалуй, только пританисла, чтобы отъ времени до времени давать себя знать, показывая котги...

Въ прошломъ году появились злобѣщнн симптомы, указывающне, что туберкулезъ, прогрессируя, поразили не только дыхательные пути, но и органы пищеварення. Это указывало на близость конца, или, по крайней мѣрѣ, значительнаго ухудшенн хода болѣзни.

Дѣло въ томъ, что болѣзненно хрониче туберкулезныхъ той категорн, въ которой принадлежалъ Чехова, могутъ долго и упорно бороться съ недугомъ, покада не откажутся помогать желудку, — эта печь, подогрѣвающая челоѣческой организмъ.

Разъ желудокъ плохо, разъ питанне падаетъ,—безопасный врагъ въ лицѣ мирѣвоща башилла, не встрѣчая противодѣйствнн, расподается по всему организму, отискиваетъ все нѣснѣй и нова гнѣзда, захватываетъ все нова и нова области...

А у Чехова осенью 1903 года появились именно эти злобѣщнн симптомы—упадка питаннн.

До этого я не видѣлъ Чехова нѣсннко нѣсннцевъ, а когда увидѣлъ, то съ трудномъ удержался, чтобы не проговориться: за эти нѣсннцы онъ ужасно постарѣлъ, какъ то согорбился, лицомъ потемнѣлъ, похудѣлъ. Только глаза остались чеховскне, эти какне то особенно пристальные, особенно внимательные, сломанъ надкозъ пронзающне собесѣдника глаза великаго психолога и мыслителя, глаза испытывающне жизни...

Но неблагоприятное впечатлѣнне распространило, какъ только Чехова заговорилъ. Совершенно случайно мнѣ удалось затронуть такую струнку, которая выжала рѣдкнй припадокъ его словохотливости.

Рѣчь шла о сравненнн положенн печати нынѣшней и прошлой.

— Вы, вотъ, все жалуетесь. Напрасно, совершенно напрасно. То есть, конечно, надо желать большаго. Потому, дѣйствительно, тѣсно... Но, Боже мой... А въ то время, какъ я начиналъ работать... Въ началѣ восьмидесятыхъ годов... Вы знаете газеты и журналы того времени? Вѣдь, это же умась что такое было... Послѣ семилосннхъ годовъ — словно вихрь какой то пронесся... Припомните, какъ гибли тогда газеты. Многн ли уцѣлѣли съ того времени? И потоки, какъ писалось тогда... обь этомъ—забыли. Но вѣдь надо унакляться, какъ мы писали еще. Нѣтъ, господа, вы несправедливы. Тогда и теперь—сравнивать нельзя. Посмотрите, ужъ не говорю о публицистѣ, — развѣ тогда могла бы появиться хоть строка изъ статей Розанова о бракъ, о семейномъ правѣ, о духовенствѣ? Развѣ прошли въ расказъ Леонидъ Андреева? А Горькаго? Вѣдь отъ его расказовъ и ключа не уцѣлѣли бы... Потому, Валмонть... Развѣ Валмонть былъ бы мыслникъ въ то время? А вы жалуетесь, что теперь трудно работаете... Нѣтъ, мы другую школу поинимъ...

Въ Ялтѣ Антонъ Павловичъ Чехова занималъ какое то особое мѣсто. Къ нему обращались за помощью, за протекцнею, за совѣтами. Часто—за третейскнн судомъ. Къ нему устраивались палочничества, и ареннѣлы. Нашлась компанн психопатовъ, одолевшихъ скронную дачку великаго писателя своими визитами.

Одна съ утра звонить къ Чехова на дачу, торопясь сообщить:

— Видѣла нова селедкн... Прелестная селедкн... Хотите, Антонъ Павловичъ, я привезу? Не любите? Ну, такъ намашъ вашей... Прелестная селедкн...

Другая упорно и назойливо добивается доступа къ Чехова, и добившись, терается сказать, кромѣ вѣрастася, Антонъ Павловичъ,—ей, нечего.

Она даже не додумалась соглать, что читала его расказъ, цѣнить его вещь. Нѣтъ, просто такъ... Знаеть, что Чехова—знаменитость, ну, и поѣхала...

Третья пыталась изобразить изъ себя адъютанта Чехова. Габъ онъ,—такъ непринимно и она. Прилетитъ черезъ пять минутъ послѣ его прихода, потная, задыхающася, съ сбнннхъ на сторону шаньонномъ, съ взятымъ шпаломъ.

Сидеть и надѣждеть.
А завтра будетъ ходитъ по Ялтѣ и заводитъ: а мы вчера съ Антонъ Павловичемъ цѣлый вечеръ провели...

У насъ въ Ялтѣ эту компанн окрестнн «антоновкн» и знали ихъ по именамъ. Надѣждали «антоновкн» Чехова до нестерпимости, но спрнатьея отъ нихъ ему не удавалось...

Когда онъ былъ еще ползоровѣе, она, частая, гуляла по Ялтѣ, бродила по набережной. На набережной есть маленькнй магазинчикъ, книжннй магазинчикъ Синина. Большой оригиналь и чрезвычайно симпатичный челоѣкъ, Синина былъ очень близкнмъ къ Чехова и заботился о немъ, какъ о меньшемъ братѣ, старался брать на себя такня дѣла Чехова, гдѣ нужно было тормошиться, хлопотать, бѣгать, зорко оберегать интересы и т. д. Знннство перешло въ своеобразную дружбу, и Чехова никогда не проходилъ по ялтинской набережной, не зайдя къ Синина. Въ хорошую погоду его можно было часто увидѣть у магазинца Синина на скамеечкѣ.

Послѣднне годы Чехова жила въ своей ялтинской дачкѣ. Въ выборѣ мѣста для нея высказался до извѣстной степени характеръ покойнаго; дачка эта находится на окраинѣ города, довольно далеко отъ моря, въ двухъ отъ центра города. Попасть на дачу приходится, пройдя въ предварнтельно почти всю Аутку, азлнскнн гннзную и пыльную деревушку. Сама дача Чехова—прнмнпый уютннй уголокъ на ономъ изъ южннхъ склоновъ. Выстроена она въ очень своеобразномъ стилѣ, причѣмъ все аннманне строителя было устремлено, очевидно, на создание наиболее уютнаго и удобнаго для работъ уголка. Къ глубокому сожалѣнню, и на уединен-

ной дачкѣ покой Чехова не нашеть, такъ какъ его одобляли посетнтелн и проснтелн по весьма разнообразннмъ дѣламъ. Можно было бы отдѣлаться отъ всѣхъ этихъ посетнтелей и посетнтелнн, но... Не Чехова этого сдѣлать не могу. У него была большая душа, но и большое сердце, и это сердце не позволяло загородиться отъ людей непроходимую стѣною...

Что среди посетнтелей была масса проходившихъ и что Чехова подвѣргался жестокой эксплуатацнн,— въ этомъ я убѣдился изъ многнхъ случаевъ. Между прочимъ, всегда эксплуатировала Чехова мелкая нишущая братнн, или, правильнѣе, отбросы пишущей братнн. Такъ, помню, какъ то знаменитый плагиаторъ Р—скнн, дѣлнн котораго я уже описывалъ въ ономъ изъ очерковъ въ «Призовомъ Краѣ», прнкнувшись полавннть въ беззаконное положенне, выключнть у Чехова довольно значнтельную сумму, что то 200—300 руб., причѣмъ не преминулъ похвастаться передо мною, поперкузъ:

— Вотъ, Чехова отмычае васъ. Вы три рубля дали, а онъ триста...

Но, помню такнхъ проходившихъ, приходилось великому художнику возннться съ другими «братннн-писателнн», съ «самородкнн», съ «писателнн изъ народа».

Въ большинствѣ, конечно, это удручающе бездарный людъ, и прнтои поражаете некультурный, абсолютно безграмотный, дико нѣзннственннй. Не помню, кто именно, кажется, Кнандн опредѣлнлъ всю эту компанн такъ:

— Это—шайка грубой мастеровшнн, нахально урущей по добру въ кракъ славы подъ грохотъ кланушкой «съ подкованн»...

Многн, слншкомъ многн изъ нихъ добнрались до Чехова съ самонн безграмотннн рукопнснн и назойливо дѣлнли:

— Посодѣйствуйте... Какъ воступоставннши въ себя талантъ...

Помню, какъ то при ннѣ одному такому самородному генню Чехова говорилъ:

— Послушайте. Вѣдь, раньше, чѣмъ начать писать, надо же хоть грамотнѣе выучиться... Поинте же, вы грамоты простой не знаете.

— Оно, конечно, когда затирають... Нашему брату памн ходу не дають,—упрнмо потряхивая голозомъ, тверднлъ въ стѣвъ самородкнъ.

— Да не затирають вовсе. Взоръ это. Но надо же знать, за что берешься...

— Такъ не можете напечатать?

— Не могу помочь. Учиться надо.

— Прощенн проснть: я памн себя все забрала.

А Чехова, раньше, чѣмъ отпустить этого прошалку, отнесся къ нему, какъ къ челоѣку, трнлнлъ свое дорогое время на проснть его абсолютно безграмотной рукопнсн, какнхъ нибудъ вырншей, пытался, броснвъ свою работу, выправлять эти уроднннн, безграмотннн стронн...

Ялта.

М. Перухннъ.